

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

О некоторых вопросах истории трипольской культуры

(По поводу рецензии Т. С. Пассек)

В № 2 ВДИ за 1954 г. напечатана рецензия Т. С. Пассек на мою книгу «Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре. К истории ранних земледельческо-скотоводческих племен на юго-востоке Европы» (МИА, 38). Автор рецензии — видный специалист по истории трипольской культуры, почти четверть века работает над исследованием памятников Триполья. Уже этот факт заставляет с особым вниманием отнестись к рецензии Т. С. Пассек.

Рецензент рассматривает книгу в двух направлениях: как публикацию материала и как работу, «затрагивающую» общие проблемы, связанные с изучением трипольской культуры. Из рецензии явствует, что автор ее считает мою книгу «попыткой» монографического издания памятника с неубедительными теоретическими положениями и выводами. На них-то рецензент и обращает главное внимание, не углубляясь в публикационную часть работы. Между тем каждая глава книги содержит, кроме публикационной части, развернутые заключения о том, что дает публикуемый материал для общей проблематики. Отвечая на рецензию Т. С. Пассек, я не имею возможности вновь возвращаться к аргументации основных положений, изложенных в книге. Это значило бы повторить добрую половину содержания книги. Но и оставить без внимания замечания Т. С. Пассек — это значило бы согласиться с ними и предоставить читателю слишком односторонне судить о моей работе.

Сразу же отмечу, что рецензент пошел по необычному для критической статьи пути — во многих случаях его возражения сводятся к неаргументированному отрицанию наиболее существенных положений книги. Естественно, что такая форма критики очень ограничивает возможности вести дискуссию, придает тенденциозность суждениям рецензента и ослабляет действенность рецензии. Один из основных недочетов моей книги Т. С. Пассек видит в том, что, не опираясь на факты, я настойчиво во всех главах провожу одну и ту же концепцию происхождения трипольской культуры, рассматривая ее как результат взаимодействия южных прогрессивных культур с местными, более отсталыми культурами. С сожалением, Т. С. Пассек опускает рассмотрение многочисленных фактов, приводящих меня к этому заключению. Поэтому я не могу не пожалеть о том, что Т. С. Пассек не подвергла критическому разбору приводимый в моей книге фактический материал. Этот существенный общий недостаток рецензии не умаляет, однако, то положительное, что можно найти в ней. Т. С. Пассек верно подметила неточность формулировки, касающейся такого важного вопроса, как происхождение металлообрабатывающего производства у ранних земледельческо-скотоводческих племен юго-востока Европы (стр. 71). Рецензент также справедливо указывает, что автор книги первоначально определял Луку-Врублевскую как памятник дотрипольский, а затем принял датировку Т. С. Пассек раннетрипольским временем. Действительно, это имело место и нашло свое объяснение на стр. 137 моей книги.

Но среди других возражений рецензента многие далеко не обоснованы. Так, я полагаю, что материал, приведенный в книге (см. «Введение» и гл. I), не дает повода к высказанному Т. С. Пассек сомнению в точности определения границ поселения, его размеров и расположения жилищ. Т. С. Пассек не учитывает тщательного изучения среза обнажения на большой протяженности, там, где расположена Лука-Врублевцевская, не принимает во внимание данные, полученные в результате закладки 23 шурфов. Если к этому добавить еще обследование разрезов в современных погребках и опрос населения о возможных находках, например керамики при земляных работах на I надпойменной террасе, тоже давшие отрицательные результаты, — то данных для обоснования выводов, приведенных в книге, с моей точки зрения, вполне достаточно. Мне представляется, что вовсе не обязательно раскопать все поселение, чтобы сделать вывод о его планировке, конструкции жилищ и т. п. Позволю себе высказать уверенность, что также думает и Т. С. Пассек.

На стр. 70 Т. С. Пассек пишет: «Вопрос о родовых поселениях и формах домостроительства освещен в результате раскопок Коломийщины I и II, Владимировки, Поливанова Яра и др.», т. е. памятников, раскопанных самой Т. С. Пассек. Напомню, однако, что, по сообщению Т. С. Пасек, во Владимировке было открыто более 150 или даже, по ее же данным, 200 площадок¹, а раскопано едва ли больше полутора десятков жилищ. В Коломийщине II было обнаружено девять жилищ, а раскопано пять. Тем не менее рецензент утверждает, что жилищ было больше и расположены они были по кругу². В Поливановом Яру раскопки едва ли исчерпали имеющиеся там остатки жилищ. Из приведенных данных, заимствованных у Т. С. Пассек, нетрудно заключить, что ответственные выводы могут быть сделаны и на основании частичных раскопок поселений. Я думаю, что методика выявления жилищ, оставшихся нераскопанными, у меня и у Т. С. Пассек, видимо, была одинакова — это шурфовка, а для площадок — применение шупа.

Перехожу к замечаниям Т. С. Пассек, связанным с очень важными вопросами взаимоотношения местных и привнесенных элементов культуры, нашедших свое отражение в археологических материалах раннетрипольских памятников. Вопросы эти имеют самое прямое отношение к проблеме происхождения трипольской культуры. Рецензент отрицает (стр. 70) генетическую связь между землянками позднего палеолита и мезолита юго-восточной и восточной Европы с землянками раннего Триполья. В своей работе я обращаю внимание на то, что полуземляночные жилища возникли в северных широтах и продолжают старую, местную неолитическую традицию в раннем Триполье. Глинобитные же сооружения передают традицию южного домостроительства. Сочетание тех и других для раннетрипольских памятников говорит о двух источниках происхождения жилищ Триполья, а следовательно, освещает одну из сторон происхождения трипольской культуры. Для доказательства этого положения мной приводится большой сравнительный материал. Т. С. Пассек без всяких оговорок снимает все сказанное. Как же и о чем спорить?

Не менее важен и другой вопрос — о преемственности позднелитических традиций в кремневом инвентаре раннетрипольских поселений. Это принципиально важный вопрос, разработка которого, действительно, не случайно привела меня к определенным выводам, касающимся проблемы происхождения Триполья. Сомневаясь в наличии позднелитических и мезолитических черт в кремневом инвентаре Луки-Врублевцевской, Т. С. Пассек ссылается на отдельные находки микролитического инвентаря в Побужье, бассейне р. Кадымы и Дрогобычской области. Все названные Т. С. Пассек пункты, где встречен микролитический инвентарь, остаются пока не опубликованными и знакомы мне лишь частично. В книге я указываю на ряд других пунктов, в том числе Билу гору и Негинскую пещеру, где были найдены по одному трапецевидно-

¹ Т. С. П а с с е к, Периодизация трипольских поселений, МИА, 10 (1948), стр. 79 и 242.

² Там же, стр. 57.

му микролиту. Этим немногочисленным находкам я даю соответствующие объяснения, видя в них свидетельство пребывания в Подолии подвижных охотничьих групп, широко применявших вкладышевую технику с микролитическим инвентарем, имея в виду племена Повисленья или даже одного западного Побужья. Этого тезиса Т. С. Пассек по существу не оспаривает, но просто ссылается на сборы микролитического инвентаря в Поднестровье, проведенные А. П. Чернышом и якобы «противоречащие моим» выводам. Сборы А. П. Черныша составляют ценнейшие собрания, происходящие из открытых палеолитических и мезолитических поселений в Поднестровье. Т. С. Пассек не может не знать, что в этих сборах ее постоянного сотрудника нет ни одного микролитического орудия геометрических очертаний, о которых идет речь в моей книге. Только в одном случае А. П. Черныш отметил присутствие сегментовидного изделия в I слое палеолитического поселения Владимировки в бассейне Южного Буга. Но и в этом случае единственная находка, при обычной массовости их, делает ее очень сомнительной. Кроме того, и морфологические особенности этой находки не позволяют признать в ней сегментовидное изделие¹. Таким образом, ссылка Т. С. Пассек на собрания А. П. Черныша не достигает цели. Другое дело, когда сопоставления ведутся с массовым инвентарем, происходящим из более чем 150 «позднепалеолитических» поселений, значительная часть которых изучена А. П. Чернышом. Здесь сборам А. П. Черныша принадлежит одно из решающих мест. Этими собраниями я широко пользуюсь, и изучение их очень укрепляет мои взгляды на «эволюцию» кремневого инвентаря («Лука-Врублевская», гл. II). В скобках замечу, что раздел работы, посвященный кремнево-му инвентарю, обсуждался в среде специалистов-первобытников и нашел поддержку в плане подтверждения преемственности черт между кремневым инвентарем так называемых позднепалеолитических памятников и кремневым инвентарем раннетрипольских поселений. Связь эту подтверждает и П. И. Борисковский, много уделивший внимания палеолиту юго-восточной и центральной Европы.

Критикуя главу о керамике (гл. III), Т. С. Пассек упрекает меня в недооценке роли спирального орнамента в раннетрипольской керамике. Рецензент видит в этом мое необоснованное желание оторвать раннетрипольскую керамику от средневропейской, неолитической. Между тем, несмотря на то, что керамики со спиральной орнаментацией в Луке-Врублевской встречено немного, образцы ее в относительно немалом числе (по меньшей мере 15 изображений) помещены в книге. Описанию же спиральных построений отведено достаточно места, и, между прочим, даже приведена классификация спиральной орнаментики Луки-Врублевской на три группы («Лука-Врублевская», стр. 153). Не моя вина в том, что в керамике Луки-Врублевской мало спиральных мотивов. Кстати, в других раннетрипольских, а также неолитических памятниках средней и центральной Европы керамика со спиральной орнаментацией тоже не занимает ведущего места. Только в памятниках развитого Триполья, особенно в Поднестровье, спиральная орнаментация расцветает пышным цветом, и не только в расписной, но и в углубленной орнаментации.

Вслед за замечанием о спиральной орнаментике рецензент решительно отрицает мои предположения о связи посуды из раннетрипольских комплексов с посудой из восточного Средиземноморья и более южных областей. Отрицать без всякой аргументации, определив к тому же мои сопоставления как идущие «в плане формальных аналогий» — это значит закрыть путь к познанию истины. При таком подходе можно, например, сказать, что периодизация трипольских поселений, построенная в основном на керамическом материале, есть плод формалистических приемов исследования. Думаю, что такой вывод был бы вопиющей несправедливостью.

Четвертую главу автор рецензии оставляет без внимания и ограничивается отрицанием в Триполье подсечного и полевого земледелия. Впрочем, к этим вопросам Т. С. Пассек возвращается при разборе заключительной главы.

Пятая глава, посвященная идеологическим представлениям, находит положитель-

¹ О. П. Черныш, Володимирівська палеолітична стоянка, Киев, 1953, табл. X, рис. 13.

ный отклик в рецензии Т. С. Пассек. Жаль только, что рецензент не указывает, в чем заключается оригинальность этой главы. Может быть, следовало бы указать, например, на использование скульптуры Триполья для решения проблемы происхождения Триполья.

Критикуя пятую главу, Т. С. Пассек считает ряд положений в этой главе спорными, например привлечение скульптуры из Луки-Врублевещкой для решения вопроса о происхождении некоторых славянских обрядов (стр. 72). К сожалению, Т. С. Пассек не обосновывает своих возражений и не самокритично оценивает свои собственные взгляды на значение трипольской скульптуры и связь ее со славянскими обрядами¹. Вот что писала Т. С. Пассек в 1951 г.: «Теперь есть все основания сказать, что трипольские женские статуэтки из глины связаны с культом плодородия и возрождающейся природы. Материалы русской этнографии подтверждают этот культ в более поздние эпохи. Известно, что многие славянские народы устраивали весенние праздники, одевали молодые березки в девичьи платья и складывали песни, связанные с этими обрядами»¹. Таким образом, в то время (1951 г.) наши взгляды на значение скульптуры ранних земледельческо-товодческих племен вполне совпадали².

Остро критикуя итоговые положения книги, Т. С. Пассек без аргументации сближает мои выводы с положениями культурно-исторической школы и школы *Siedlungssachäologie* (стр. 73). Но миграционизм «культурно-исторической» школы, по разъяснению самой же Т. С. Пассек, это перенос возникших раз и навсегда явлений (стр. 73). Разве есть что-либо похожее в моей работе? Говоря о передвижении южных племен, я неоднократно подчеркиваю изменения, происшедшие в их культуре в процессе освоения новых земель. Передвижения эти я объясняю на основе разработанного Марксом закона о давлении избытка населения на производительные силы. Закон этот исчерпывающе объясняет механизм древних миграций. В решении этих вопросов я опираюсь на теоретические положения Энгельса и Моргана, в том числе и на важнейшее заключение о различных путях исторического развития в Западном и Восточном полушариях, начиная со «средней ступени варварства». Сближать эти мои положения с выводами миграционистских школ нет ни малейших оснований, если не считать употребления слова «миграция», в котором еще нет и не может быть ничего предосудительного!

Не аргументирует Т. С. Пассек и своего отрицательного отношения к моему заключению о том, что пришлые племена стояли на более высокой ступени экономического и социального развития. Тщательный анализ большого фактического материала дает основания к такому заключению, и я полагаю, что только преувеличенная осторожность в решении вопроса о возможности наличия в юго-западной части СССР в эпоху энеолита отсталых в экономическом и социальном отношении племен дает повод сомневаться в моих выводах. И сама Т. С. Пассек, формулируя на стр. 73 точку зрения советских ученых на происхождение Триполья, указывает на участие в сложении его племен Дунайского бассейна, Балкан и Восточного Средиземноморья, а на стр. 74—75 пишет: «Если в областях древневосточных цивилизаций и было в IV—III тысячелетиях до н. э. плужное земледелие и патриархат, то в Европе развитие раннеэнеолитических и энеолитических культур шло не одинаковыми темпами по сравнению с Восточным Средиземноморьем и Передней Азией». Почему же связи Триполья с Восточным Средиземноморьем и Передней Азией, которых не отрицает Т. С. Пассек, не осуществлялись в том виде, как это изложено в моей книге?

Далее. Рецензент находит противоречие в некоторых формулировках, касающихся инфильтрации южных культур и внезапности появления в Европе целого ряда культурно-исторических приобретений, неизвестных раньше в Европе. Мне кажется

¹ Т. С. Пассек, Первые земледельцы, сб. «По следам древних культур», 1951, стр. 59.

² С. Н. Биби́ков, Культовые женские изображения раннеземледельческих племен юго-восточной Европы, СА, XV, стр. 131 сл.

ся, что рецензент отождествляет два неравнозначных процесса — собственно миграцию отдельных родовых или племенных групп и проникновение элементов культуры с помощью опосредствованных связей. На стр. 286 моей книги я делаю специальную оговорку о проникновении отдельных элементов культуры в результате заимствований, обмена и т. п., т. е. без физического соприкосновения человеческих сообществ. Но главное все же не в этом. Основное заключается в том, что на юго-востоке Европы столкнулись разные по своему укладу общества: пришлые племена, обладавшие высокоорганизованными формами материального производства, и местные племена, стоявшие еще на неолитической ступени развития. Трудно допустить, чтобы ломка строго местного экономического уклада с его отсталыми формами производства — охотой и собирательством — потребовала много времени. Для освоения новых территорий и внедрения новых, прогрессивных, хозяйственных форм в экономически отсталую среду требовалось несравненно меньше времени, чем на вызревание, например, скотоводства и земледелия в результате эволюционного процесса на местной основе в местной среде. Укажу попутно, что вследствие неместного происхождения скотоводства и земледелия, а также и некоторых других элементов культуры, появившихся на юго-востоке в уже сложившемся виде, создается впечатление о внезапности появления их. Однако это вовсе не значит, что привнесенные элементы культуры должны быть совершенно аналогичны своим исходным, находящимся где-то в областях распространения древневосточных цивилизаций. Т. С. Пассек верно отмечает различие между культурами эпохи энеолита древних цивилизаций юга Европы и Востока, между отдельными ареалами расселения сельскохозяйственно-скотоводческих племен. Различия безусловно имеют место, но каково отношение их к проблеме Триполья — остается непонятным потому, что «внезапность» появления ряда культурных элементов в юго-восточной Европе в эпоху энеолита я понимаю исторически, а не как механический перенос их в неизменном состоянии из каких-то центров. Конкретно анализируя культуру раннего Триполья, я и пытаюсь выделить местные и привнесенные черты в этой культуре. Больше того, там, где это возможно, на фактическом материале показываю путь развития хозяйства и отдельных элементов культуры от истоков трипольской культуры до позднейших этапов ее развития (жилища, кремневый инвентарь, керамика, земледелие и скотоводство, верования). Рецензент, к моему удивлению, не замечает этого и не критикует систему моих взглядов по существу.

Анализируя экономику раннетрипольского общества, я прихожу к выводу, что в основе социального строя лежали ранние формы патриархальных отношений. Развитое скотоводство и внедрение полевого земледелия выдвинули мужчину на первый план в экономической жизни общества и поставили его во главе защитников родовых ценностей — скота и зерна. На стр. 73 Т. С. Пассек оспаривает мое заключение о патриархальном родовом строе у трипольцев. В связи с этим рецензент отвергает все мои соображения, высказанные в защиту патриархального родового строя. Трипольское скотоводство Т. С. Пассек определяет доселе неизвестным термином — «придомное скотоводство» (стр. 74). Трудно понять, как такая форма скотоводства могла существовать при первобытно-общинных отношениях, при коллективном владении стадом.

Рецензент, отбрасывая всю мою аргументацию о раннем полеводстве у трипольцев, земледелии, основанном на мотыжном способе обработки полей, а также употреблении примитивной сохи, влекомой быками, пытается доказать свою правоту ссылками на Энгельса. Не могу не заметить при этом, что обе ссылки не снимают моих предположений. Т. С. Пассек почему-то опускает приведенный мной подробный анализ состояния развития культуры в период «варварства» по ступеням развития, данный Энгельсом. Между тем именно здесь лежит ключ к пониманию путей исторического развития между Западным и Восточным полушариями, начиная со средней ступени «варварства»¹. Т. С. Пассек берет отдельную фразу из общей характеристики вар-

¹ Ф. Э н г е л ь с, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1952, стр. 22—26.

варварства, где говорится об огородничестве у азиатских варваров на средней ступени варварства¹. Но ведь известно, что у них не было огородных культур, подобных, скажем, маису у северо-американских индейцев, а культивирование растений первоначально, как говорит Энгельс, было подчинено скотоводству. Вторая ссылка на Энгельса касается полевого земледелия. Таковое Энгельс, как известно, относит к «высшей ступени варварства». Энгельс говорит о плуге с железным лемехом и других достижениях культуры, характерных для раннеклассового общества. Я же говорю о зачаточных формах полевого земледелия с применением примитивной сохи, т. е. о тех элементах, которые явились исходными для плужного земледелия и зародились еще при первобытнообщинном строе. Легко понять, что ссылка на Энгельса, приведенная в рецензии Т. С. Пассек, не имеет никакого отношения к трипольской проблеме. Не могу не пожалеть, что Т. С. Пассек не откликнулась на мои соображения и анализ конкретного археологического материала, дающего возможность предполагать наличие полевого земледелия (а не огородничества) даже у раннетрипольских племен. Об этом говорится, например, в заключительной части книги (стр. 281—287).

Сразу же за отрицанием раннего полевого земледелия у трипольцев, отрицания, скрепленного только цитатой из произведения Энгельса, следует отрицание патриархального строя у трипольских племен. Здесь тоже нет разбора положения о патриархате по существу, а приведена цитата из произведения И. В. Сталина «Анархизм или социализм?»², где И. В. Сталин между прочим говорит о матриархате. Неудачная фраза рецензента, предваряющая цитату из работы И. В. Сталина, создает впечатление, будто бы И. В. Сталин связывал матриархат с энеолитическим периодом (стр. 74). На самом же деле в цитированной работе И. В. Сталина на это нет никаких указаний. Не могу также согласиться и со следующим заявлением Т. С. Пассек: «Археологические раскопки трипольской культуры дают новые материалы, иллюстрирующие и подтверждающие положения Ф. Энгельса и И. В. Сталина о существовании в энеолите первобытного общества с матриархально-родовым строем». Далее следует ссылка на раскопки Т. С. Пассек в Коломийщине I и II, Владимировке и др. В трудах Энгельса и Сталина, как известно, приведенных положений нет.

В конечном счете Т. С. Пассек отрицает и последний мой тезис, выставленный в защиту патриархата. Рецензент без аргументации отрицает наличие богатств в трипольском обществе в виде скота и запасов зерна. Не говоря о том, что где скот, там и богатство, сошлюсь на археологические факты. Сейчас известен уже ряд трипольских поселений, в том числе и Поливанов Яр, кстати раскопанные самой Т. С. Пассек, где обнаружены рвы, а следовательно, были и валы, защищавшие поселение. А разве при строительстве трипольских поселений не использовался в оборонительных целях естественный рельеф местности? С фактами этими спорить трудно, а говорят они о необходимости защиты родовых богатств.

Последние полстраницы рецензии Т. С. Пассек написаны, скажу прямо, скороговоркой и не могут не вызвать чувства недоумения (стр. 75). Трижды берутся цитаты из моей книги и сказанное в них просто отрицается. Стоит ли говорить, что это не метод деловой критики.

Я остановился только на главных замечаниях Т. С. Пассек. Мелкие вопросы, затронутые в рецензии, не требуют развернутых ответов.

В целом же считаю, что рецензия написана тенденциозно, с явным нежеланием вести полемику по существу работы. Разумеется, не соглашаясь с неаргументированной рецензией Т. С. Пассек, я тем самым вовсе не считаю, что книга моя лишена недочетов. Конечно, нет. Думаю, что внимательный разбор книги по существу ее содержания выявит немало недостатков, а быть может, даже и ошибочных суждений. Я с нетерпением буду ждать и с благодарностью приму пусть резкую, но справедливую критику,

С. Бибииков

¹ Ф. Э н г е л ь с, Происхождение семьи, частной собственности и государства стр. 165—166.

² И. В. С т а л и н, Соч., т. 1, стр. 340.